

# ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ

Я знаю, что больше никогда не услышу в телефонной трубке ее чистого, мелодичного голоса: «Верочка! Как ваши дела?..» Дежурные, в общем-то, слова приветствия, с которых начинается большинство телефонных разговоров, она каждый раз произносила так, словно не существовало в тот момент проблем важнее, чем мои личные неурядицы или радости. И каждый раз, переключаясь с одной темы на другую, наши редкие «встречи по телефону» затягивались надолго...



Роза Константиновна Кузьмина. Заслуженная артистка России. На спектакли с ее участием Магнитка когда-то ходила толпами. Сидели в проходах и даже, где возможно, на перилах балкона. Приходили за кулисы — несли цветы и подарки... Потом, уже много позже, оказавшись вне театра, она рассказывала мне:

— Наш главный режиссер меня даже ругал за то, что не могу встретиться лично с каждым. А мне просто физически не хватало на это времени... Вот так любили когда-то здесь театр! И когда я последний раз вышла на сцену во «Французском квартале» (у меня была там маленькая роль одной из леди), мне тоже двое преподнесли цветы. Это был мой последний спектакль...



К сожалению, в последние годы работы бывшей прима Магнитогорского драматического театра давали роли... нет, даже не второго или третьего — десятого плана. С начала 90-х годов я видела Розу Константиновну на сцене лишь дважды — в массовках детского мюзикла «Старик Хоттабыч» и в крохотной роли светливой мамаша из спектакля «Лестница». Ее ге-

роиня выбегала на сцену с букетом цветов и коробкой конфет, беспрерывно тараторя слова монолога, занимавшего, от силы, минуту-полторы сценического времени. Но его необъяснимо хватало на то, чтобы в памяти мгновенно воскрес тот, «старый», Магнитогорский драматический театр им. А. С. Пушкина, который остался в моем давнем-давнем детстве.

Я была тогда слишком мала, чтобы после спектаклей приходиться за кулисы к любимым актерам с выражениями восторга и признательности. Но разглядывая фотографии, висевшие в фойе, я наивно мечтала стать когда-нибудь такой же изумительной красавицей, как актриса Роза Кузьмина. Она нравилась мне больше всех и казалась тогда совершенно недостижимой небожительницей. Ведь в то время считалось постыдным создавать «звезду» с помощью сплетен и скандалов. Любимые актеры оставались для зрителя царями, богами, героями... Жизненная суета была не для них.

А сам зритель при этом был для театра того времени главным мерилом ценностей. Одна из бывших актрис «старой» труппы Магнитогорского драматического рассказывала мне, как главный режиссер требовал тогда, чтобы даже на репетиции прекрасная половина являлась только на высоких каблуках, с красивыми прическами, макияжем и в модно сшитых платьях. Все это на случай, если за кулисы забредет вдруг какой-нибудь шальной зритель — не любоваться же ему на театральные подмостках «прозой» жизни!

Может быть, поэтому в нас, магнитогорцах, до сих пор живет это удивляющее многих приезжих ощущение театра как праздника. И передается оно из поколения в поколение почти генетически. Хотя давно уже нет в живых многих и многих из тех, благодаря кому сформировался когда-то «особый магнитогорский зритель»...

Можно много и умно рассуждать нынче о том, что в истории своей каждый театральный коллектив переживает периоды взлетов и падений, когда нужно что-то или кого-то сменить, дабы кризис не затянулся на долгие годы. Наверное, так оно и есть на самом деле. Но существует и еще один неписаный закон театрального «кодекса чести»: актеры, отдавшие сцене лучшую часть своей жизни, не должны в конце оказаться выброшенными на произвол судьбы. Как произошло это в 95-м с Розой Константиновной Кузьминой.

Она позвонила тогда в редакцию почти случайно. Среди бережно хранимых ею программ бывших спектаклей с автографами режиссеров-постановщиков и коллег, среди газетных отзывов на спектакли каким-то образом отыскалась вдруг написанная мною еще в пору юнкоровства заметка о работе театрального кружка, который в 80-х годах Роза Константиновна вела в музучилище. И теперь в трубке звенел ее голос, который невозможно было спутать с чьим-то другим:

— Так вы и есть та самая девочка, которая приходила на наши репетиции? Я помню вас. Неужели прошло уже столько времени — я ведь теперь встречаю ваше имя в газете. Боже мой, в это трудно поверить!..

Естественно, между делом, я спросила ее о работе в театре. И «легкий» голос вдруг подернула пелена грусти:

— А я в театре больше не работаю. Уже почти год. В начале сезона мне сказали, что контракт со мной продлевать не намерены... Вот так, тихо и без лишней суеты,

без бенефиса и прощальных оваций сошло вдруг с театральных афиш имя актрисы, сам звук которого был дорог сердцам не одного поколения магнитогорских театралов.

Это сегодня, добиваясь званий «заслуженного», «народного», «всемирно избранного», можно бесстыдно покупать прессу, заручаться поддержкой власти предрешающих, создавать видимость кипучей деятельности, превознося ее до небес с помощью громкоговорителей. Ложное становится все труднее отделить от настоящего. Только ведь и записные крикуны смертны, а купленная слава преходяща. Все проверяется временем. Вскоре после публикации прощального интервью с Розой Константиновной на страницах «Магнитогорского



металла» она позвонила мне и радостно-восхищенно сообщила: — Вы не представляете, какое благое дело совершили! У меня дома телефон от звонков раскалился. Оказывается, люди все еще меня помнят! А все вы — все это сделали вы!..

Актриса, удостоенная звания «заслуженной» самими магнитогорцами, умела быть щедрой на благодарность, приписывая другим собственные достижения. У меня и сегодня лежит на столе книга Льва Озерова «Необходимость прекрасного», бережно написанная ее рукой: «С огромной благодарностью и любовью — Ваша Р. Кузьмина». Она подарила ее мне в память о нашей встрече. И в этом жесте тоже сквозил дух былого Магнитогорского театра — дорожить вниманием к себе каждого, считать собственный талант вечным должником своих поклонников...

Жизненный путь каждого из нас, видно, и впрямь «запрограммирован» кем-то свыше. Кто зна-



ет, как сложилась бы судьба молодой талантливой актрисы Мордовского музыкально-драматического театра Розы Тратно, прими она в конце 50-х предложение самого Юрия Завадского поработать сезон на московской сцене? Был у нее и шанс стать звездой советского кинематографа, когда приглашали на съемки киностудии Москвы, Ленинграда, Свердловска... Но:

— Я, видимо, ретроград и консерватор, — говорила мне Роза Константиновна, — потому что от того бедлама, который увидела на съемочной площадке, я в ужас пришла! В театре все строже и возвышеннее. Даже для разнообразия в жизни не могла я эту обстановку на другую сменить.

Роли, предназначавшиеся ей, сыграли потом в кино другие. Но Магнитка об этом и не подозревала, неистово аплодируя «Розочке Кузьминой» в «Гамлете» и «Вар-



шавской мелодии», «Строй-фронте» и «Деле, которому ты служишь», «Дворянском гнезде» и «Дорогой Памеле»... Энергетика ее героинь, потоком лившаяся в зрительный зал со сцены, окрыляла, заставляя верить в лучшее. И в этом тоже, наверное, заключалась предначертанность свыше. Для нее, ровесницы Магнитки, город этот стал седьмым по счету в географии многочисленных переездов. И цифру эту она считала для себя счастливой.

33 года из полувекового служения театру было отдано Магнитогорскому драматическому, уход из которого стал для актрисы Кузьминой роковым. Она не замкнулась, не ушла в собственные проблемы. Но болезнь, течение которой на некоторое время удавалось приостанавливать с помощью врачебного вмешательства, неожиданно начала прогрессировать. В январе, позвонив ей, чтобы поздравить с днем рождения, я вновь услышала до боли узнаваемый голос:

— Нет, Верочка, надежды больше нет. Я знаю, что уже не поднимусь. Мне бы еще точно знать, на сколько я могу рассчитывать...

Я не верила своим ушам. Спокойно и просто мне говорили о безнадежности и обреченности. Все это в пору было отнестись на счет пресловутой актерской мнительности.

— Нам нужно обязательно встретиться, — только и нашлась я.

— Конечно-конечно. Только позвоните мне заранее. И еще, давайте договоримся — если вы все-таки не сможете прийти ко мне, я не обижусь на вас...

Лишь много дней спустя я поняла смысл последних слов: если мы не «не сможем», а не успеем увидеться в последний раз, я не должна буду мучиться угрызениями совести.

Но мы увиделись. Не в январе. В апреле. На улице стояла слякотная уральская весна. А в окно комнаты светило яркое солнце. О чем мы говорили тогда, теперь уже не суть важно. Задумчиво глядя в голубое весеннее небо, Роза Константиновна вдруг сказала: «Я очень боюсь умереть в такую рас-

путицу. Не хочу, чтобы люди стояли на кладбище в грязи...» Даже в эти дни она продолжала думать не о себе — о тех, кто останется...

Магнитка простилась с любимой актрисой в первые дни «бабьего лета». Завтра исполнится 40 дней, как нет ее среди нас. Но человек продолжает жить на этой земле до тех пор, пока не уйдет из жизни последний помнящий о нем. Думаю, поэтому Заслуженной артистке России Розе Константиновне Кузьминой суждена еще долгая жизнь в памяти тех, кто хоть раз имел счастье видеть ее на сцене, бывать на занятиях театральных кружков, которые вела она в школах и училищах города, общаться с нею во время творческих встреч со зрителями. Энергия добра не может уйти в песок или испариться в пустоту.

— Я думаю, что любая жизнь — в «полосочку», — сказала она как-то. — Но все равно считаю себя счастливым человеком. Я, рожденная в такое суровое время, пережившая голод, унижение репрессиями, все равно миссию свою на земле выполнила. Нет, театр — это не каторга. Какие-то вещи, конечно, бывают мучительными. Но зато ведь и рождается такое через эту муку — открытие радости!

...Я знаю, что никогда больше не услышу в телефонной трубке ее ясного и чистого: «Верочка! Как ваши дела? У вас все в порядке?..» Я это знаю. Но поверить в это не могу...

**В. ЗАСПИЧ.**

